

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
15 November 2022
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 928/2019* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Мохамедом Хаджибом (представлен адвокатом Рашидом Месли из фонда «Аль-Карам»)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Марокко
<i>Дата сообщения:</i>	30 октября 2018 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 24 апреля 2019 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	22 июля 2022 года
<i>Тема:</i>	пытки во время содержания под стражей
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	пытки или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; меры для предупреждения актов пыток; систематический надзор за условиями содержания под стражей и обращением с заключенными; обязательство государства-участника обеспечивать незамедлительное проведение беспристрастного расследования компетентными органами; право на подачу жалобы; право на возмещение
<i>Статьи Конвенции:</i>	1, 2 (пп. 1 и 2), 4 (п. 2), 11, 12, 13, 14, 15 и 16

* Принято Комитетом на его семьдесят четвертой сессии (12–29 июля 2022 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: Тодд Бакуолд, Клод Хеллер, Эрдоган Ишджан, Маэда Наоко, Илвия Пуце, Ана Раку, Себастьян Тузе и Бахтияр Тузмухамедов. В соответствии с правилом 109, рассматриваемым вместе с правилом 15, правил процедуры Комитета, а также пунктом 10 Руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абебские руководящие принципы) Абдерразак Рувани в рассмотрении настоящего сообщения не участвовал.

1. Заявителем является Мохамед Хаджиб, гражданин Марокко и Германии, родившийся 23 мая 1981 года. Он заявляет о нарушении государством-участником статьи 1 Конвенции, а также статей 2 (пп. 1 и 2), 4 (п. 2), 11, 12, 13, 14 и 15, рассматриваемых в совокупности со статьей 1 Конвенции, в отношении него, и статьи 16 Конвенции — в отношении его родственников. 19 октября 2006 года государство-участник сделало заявление в соответствии со статьей 22 (п. 1) Конвенции. Заявитель представлен адвокатом фонда «Аль-Карам».

Факты в изложении заявителя

2.1 1 октября 2009 года заявитель был задержан в Пакистане во время участия в религиозной деятельности в рамках «Джамаат ат-Таблиг» (или «Таблиги Джамаат») — прозелитической религиозной организации, действующей и разрешенной во многих странах. Его продержали в тюрьме пять дней, а затем перевели в тюрьму Кветты, где его продержали четыре месяца без предъявления обвинений. В феврале 2010 года он был освобожден без суда.

2.2 17 февраля 2010 года заявитель вылетел в Германию. В аэропорту Франкфурта двое полицейских в течение нескольких часов допрашивали его о причинах его выдворения из Пакистана. Затем заявитель сообщил им о своем намерении немедленно уехать в Марокко, где его ждала семья.

Задержание и несправедливое судебное разбирательство

2.3 18 февраля 2010 года, в час ночи, заявитель был задержан при выходе из самолета в Касабланке пятью сотрудниками Главного управления территориального надзора, после чего был сразу же препровожден в полицейский участок в районе Эль-Маариф в Касабланке, где он подвергался пыткам в течение 12 суток содержания под стражей в полиции. Родственники заявителя, которые ожидали его в аэропорту, не были проинформированы о его задержании.

2.4 Полицейские завязали заявителю глаза, надели на него наручники и связали ноги. Его раздели догола и избивали ногами, когда он лежал на полу. По окончании срока содержания под стражей, 1 марта 2010 года, его заставили подписать протокол судебной полиции после того, как полицейские пригрозили задержать его жену и мать, чтобы подвергнуть их пыткам. Протокол был датирован 19 февраля 2010 года.

2.5 В итоге судебная полиция признала факт содержания заявителя под стражей только через четыре дня после его задержания, после того как его родители предприняли многочисленные попытки выяснить его судьбу. Он предстал перед прокурором 1 марта 2010 года и был обвинен в создании преступной группы и финансировании терроризма на основании статей 218-1 и 218-4 Закона № 03-03 о борьбе с терроризмом. Несмотря на отсутствие каких-либо существенных улик или доказательств его участия в актах насилия, заявитель в тот же день был помещен под стражу до суда в тюрьме Сале.

2.6 Представ перед судом в Сале, заявитель сообщил следственному судье, что его пытали в полицейском участке Эль-Маарифа с целью заставить подписать документ, который не соответствовал его показаниям. Следственный судья не принял во внимание ни его показания, ни очевидные следы пыток и жестокого обращения. В знак протеста против произвольного характера своего задержания и содержания под стражей заявитель провел голодовку в период с 10 мая по 24 июня 2010 года, дату начала судебного процесса.

2.7 24 июня 2010 года заявитель предстал перед судом первой инстанции. Он был приговорен к десяти годам тюремного заключения в результате ускоренного судебного процесса по обвинению в попытке попасть в Афганистан для участия в боевых действиях против американских войск. Судьи ограничились ссылкой на все содержащиеся в полицейских протоколах показания, не приняв во внимание заявления заявителя перед следственным судьей и в суде, в которых утверждалось, что он подвергался пыткам и жестокому обращению во время содержания под стражей в полиции, а также в отсутствие каких-либо материальных доказательств.

2.8 11 октября 2010 года апелляционный суд Рабата подтвердил приговор. Однако 22 июня 2011 года Кассационный суд отменил это решение и вернул дело на повторное рассмотрение в тот же апелляционный суд. 9 января 2012 года апелляционный суд оставил в силе решение, принятое в первой инстанции, но сократил срок наказания до пяти лет лишения свободы.

2.9 На всех стадиях разбирательства заявитель жаловался на пытки, которым он подвергался во время содержания под стражей в полиции. Однако никаких расследований по этому факту не проводилось.

Пытки и жестокое обращение в тюрьме

2.10 16 мая 2011 года заявитель принял участие в акции протеста, организованной несколькими сотнями заключенных тюрьмы Сале против несправедливого характера их приговоров. В ответ на это 17 мая заявитель был переведен в тюрьму Тулала, где он оставался до 21 мая 2011 года, когда его повторно поместили в тюрьму Сале. Власти не уведомили его родственников об этих перемещениях, в результате чего в течение двух недель заявитель находился в ситуации содержания под стражей без связи с внешним миром, равносильной насильственному исчезновению. Обеспокоенный судьбой своего сына, 18 мая 2011 года отец заявителя обратился за разъяснениями в Национальный совет по правам человека. В итоге 31 мая 2011 года консульство Германии установило его местонахождение и сообщило семье заявителя о его судьбе.

2.11 В период с 16 по 21 мая 2011 года заявитель подвергался жестоким пыткам со стороны охранников в тюрьмах Сале и Тулала. В частности, его били по различным частям тела, что привело к перфорации правой барабанной перепонки и перелому носа. Его долгое время удерживали в болезненных позах и угрожали изнасилованием. Его психологическое состояние значительно ухудшилось в результате этого жестокого обращения, до такой степени, что он попытался покончить жизнь самоубийством и снова был срочно доставлен в больницу в критическом состоянии.

2.12 В день перевода из тюрьмы Сале в тюрьму Тулала, 17 мая 2011 года, заявитель подвергся пыткам в присутствии двух сотрудников Главного управления территориального надзора. В период с 31 мая по 8 июня 2011 года адвокат и представитель консульства Германии посетили его в тюрьме Сале¹. Адвокат заявил, что на теле заявителя были шрамы на руках и ногах, свидетельствующие о пытках или другом жестоком обращении². В письме от 30 июня 2011 года посольство Германии проинформировало Министерство иностранных дел Марокко о том, что заявителю «были нанесены серьезные телесные повреждения» и что, согласно его собственным заявлениям, он неоднократно подвергался нескольким видам жестокого обращения и физического насилия в тюрьмах Сале и Тулала. За участие в акции протеста 16 и 17 мая 2011 года заявитель был приговорен апелляционным судом Сале 10 сентября 2012 года к дополнительным двум годам лишения свободы.

2.13 30 мая 2012 года отец заявителя обратился к прокурору с ходатайством возбудить расследование пыток, которым подвергался его сын в тюрьмах Сале и Тулала. Дважды, 8 июня 2012 года и 26 мая 2014 года, он направлял письмо в Министерство юстиции с просьбой о проведении срочного медицинского осмотра заявителя для установления актов пыток, о которых идет речь, с целью рассмотрения жалобы по уголовному делу³. Ни одно из этих обращений не дало результата.

2.14 В июле 2012 года заявитель был переведен в тюрьму Тифлета, где он содержался под стражей до своего освобождения 18 февраля 2017 года. В конце мая 2016 года он вновь осудил произвольный характер своего содержания под стражей, а также режим содержания под стражей. В этой тюрьме его содержали в оранжевом комбинезоне, таком же, который носили заключенные Гуантанамо. В ответ на этот

¹ См. Amnesty international, «Maroc. Il faut enquêter sur les allégations de torture», déclaration publique, 17 juin 2011.

² Ibid.

³ Однако просьба о проведении медицинского осмотра содержится только в письме от 26 мая 2014 года.

демарш заявитель вновь подвергся пыткам и жестокому обращению со стороны тюремных охранников. В частности, его пытали раскаленным железным прутом, который прикладывали к спине, при этом удерживая на кровати в камере со связанными руками и ногами и с завязанными глазами. В камере ему удалось сфотографировать свои травмы⁴. Заявитель утверждает, что его пытали в присутствии директора тюрьмы и координатора Главного управления по вопросам тюремной администрации и реинтеграции.

2.15 Заявитель не захотел доводить эти факты до сведения судов, опасаясь репрессий в период, когда приближалось его освобождение. На его теле до сих пор сохранились шрамы от этих актов пыток, о чем свидетельствуют несколько фотографий, сделанных в Германии после его освобождения⁵. 13 апреля 2017 года заявитель прошел осмотр в Дюссельдорфском институте судебной медицины, который констатировал его повреждения. Заявитель также прошел в Германии психологическое обследование, которое показало, что он страдает посттравматическим стрессовым расстройством.

Мнение Рабочей группы по произвольным задержаниям

2.16 26 июля 2011 года заявитель подал свое дело в Рабочую группу по произвольным задержаниям, которая 31 августа 2012 года вынесла мнение, в котором охарактеризовала содержание под стражей заявителя как произвольное⁶. Рабочая группа в первую очередь отметила, что признания, сделанные заявителем после задержания в аэропорту Касабланки, во время его содержания под стражей в полиции, были получены в отсутствие доступа к адвокату и при отсутствии реальных доказательств. Когда заявитель предстал перед следственным судьей в сопровождении адвоката, он опроверг все выдвинутые против него обвинения, а также признательные показания, заявив, что они были получены с помощью пыток. Правительство Марокко в своем ответе Рабочей группе ограничило тем, что оно оспорило существование признаний, полученных с помощью пыток, не продемонстрировав, что в отношении этих утверждений было проведено независимое и прозрачное расследование. Исходя из этого, Рабочая группа пришла к выводу о нарушении статьи 5 Всеобщей декларации прав человека и статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах в прямой связи со статьями 9, 10 и 11 Всеобщей декларации прав человека и статьями 9 и 14 Пакта. Рабочая группа пришла к выводу, что нарушения права заявителя на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство были достаточно серьезными, чтобы признать его содержание под стражей произвольным. Рабочая группа также передала это дело Специальному докладчику по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания⁷.

2.17 Государство-участник так и не выполнило рекомендации Рабочей группы по произвольным задержаниям как в отношении немедленного освобождения заявителя, так и предоставления надлежащего возмещения в соответствии с пунктом 5 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах. 19 октября 2014 года его адвокат подал ходатайство о пересмотре результатов судебного разбирательства по делу заявителя, обратив внимание Министерства юстиции, в частности, на мнение Рабочей группы, которое было отклонено. Хотя заявитель был освобожден 18 февраля 2017 года, он не получил никакого возмещения ущерба.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает о нарушении статьи 1 Конвенции, а также статей 2 (пп. 1 и 2), 4 (п. 2), 11, 12, 13, 14 и 15, рассматриваемых вместе со статьей 1 Конвенции, в отношении него и статьи 16 в отношении его семьи.

3.2 Заявитель утверждает, что использовал все возможные средства правовой защиты, которые оказались неэффективными. На всех этапах судебного процесса он

⁴ В деле имеется фотография, на которой видны шрамы на его спине.

⁵ В деле имеется и другая, более свежая фотография его шрамов.

⁶ [A/HRC/WGAD/2012/40](#).

⁷ Там же, п. 53.

сообщал, что подвергался пыткам. Он напоминает, что, по мнению Комитета, достаточно, чтобы потерпевший выступил и довел факты до сведения государственного органа, чтобы последний был обязан рассматривать это как выражение его желания добиться начала немедленного и беспристрастного расследования⁸.

3.3 С момента задержания 18 февраля 2010 года заявитель находился под контролем марокканских властей, в связи с чем любое утверждение следует рассматривать в качестве равносильного уголовной жалобе. Однако утверждения о пытках, доведенные до сведения судей на каждом этапе судебного разбирательства, не были приняты во внимание⁹. Таким образом, государство-участник не может ссылаться на отсутствие жалобы со стороны заявителя в отношении актов пыток, совершенных во время содержания его под стражей в полиции¹⁰.

3.4 Заявитель повторяет, что жалобы на акты пыток, которым он подвергался в тюрьмах Сале и Тулала, не повлекли за собой принятия властями каких-либо мер и что он не захотел доводить факты, произошедшие в тюрьме Тифле, до сведения судебных органов, опасаясь репрессий.

3.5 По существу дела заявитель утверждает, что обращение, которому он подвергался во время содержания под стражей в полицейском участке эль-Маарифа, а также во время его содержания под стражей в тюрьмах Сале, Тулала и Тифле, представляет собой пытку по смыслу статьи 1 Конвенции.

3.6 Заявитель был задержан без судебного ордера и без уведомления о предъявленных ему обвинениях. Не имея возможности связаться со своей семьей, заявитель не имел доступа к адвокату и предстал перед судьей только в конце срока содержания под стражей в полиции, т. е. через 12 дней после задержания. В течение этого периода ему намеренно отказывали в защите закона, и он не мог воспользоваться какими-либо правовыми процедурами, которые позволили бы ему обеспечить рассмотрение его утверждений о пытках или оспорить законность его содержания под стражей. Кроме того, ему не было оказано никакой независимой медицинской помощи ни в период его содержания под стражей в полиции, ни после его допросов у прокурора и следственного судьи. Несмотря на то, что он неоднократно заявлял судебным властям о применении к нему пыток и содержании его под стражей без связи с внешним миром, за его заявления не последовало никаких следственных действий, и, таким образом, эти акты остаются безнаказанными. Отсутствие реакции со стороны властей равносильно нарушению статьи 2 (п. 1), рассматриваемой вместе со статьей 1 Конвенции.

3.7 Ссылаясь на статью 2 (п. 2) Конвенции, заявитель считает, что акты пыток, которым он подвергся, были разрешены и облегчались отсутствием основных гарантий в Законе № 03-03, который установил исключительный правовой режим в этой сфере. Начиная с 2004 года Комитет выражал обеспокоенность по поводу правовой основы борьбы с терроризмом в Марокко, в частности по поводу значительного продления срока содержания под стражей в полиции, в течение которого существует наибольшая опасность применения пыток, как в общем уголовном праве, так и в Законе о борьбе с терроризмом¹¹. В 2011 году Комитет выразил обеспокоенность тем, что положения Закона № 03-03 позволили продлить установленный законом срок содержания под стражей в полиции, что привело к повышению риска применения пыток к задержанным подозреваемым, и напомнил о

⁸ *Тхабти против Туниса* (CAT/C/31/D/187/2001), п. 10.6.

⁹ В письме от 25 марта 2014 года, адресованном Главному управлению по вопросам тюремной администрации и реинтеграции, в котором родственники заявителя просили прекратить его содержание в одиночной камере, упоминалось, что его заставили подписать признательные показания с помощью пыток. Это письмо не было приложено к материалам дела.

¹⁰ *Джаидан против Туниса* (CAT/C/61/D/654/2015), п. 6.2.

¹¹ CAT/C/CR/31/2, п. 5 b).

том, что именно в периоды, когда они не могут общаться со своими семьями и адвокатами, подозреваемые чаще всего подвергаются пыткам¹².

3.8 Невыполнение положений, касающихся судебного преследования и наказания должностных лиц, совершивших акты пыток, представляет собой нарушение статьи 4 (п. 2) Конвенции. Власти систематически не обеспечивают проведения расследований и судебного преследования, несмотря на неоднократные утверждения, доводимые до сведения судебных органов государства-участника, а также специальных процедур и договорных органов, с которыми сотрудничает государство.

3.9 Ссылаясь на статью 11 Конвенции, заявитель напоминает о том, что во время содержания под стражей в полиции ему не были предоставлены достаточные процессуальные гарантии. Государство-участник также не выполнило свое обязательство по статье 12 о проведении быстрого и беспристрастного расследования утверждений о пытках. Оно также не выполнило возложенную на него в соответствии со статьей 13 обязанность обеспечить заявителю право подать жалобу в компетентные органы, которые должны надлежащим образом отреагировать на нее и провести быстрое и беспристрастное расследование. Таким образом, государство-участник лишило заявителя возможности получить возмещение в рамках гражданского или уголовного судопроизводства в соответствии со статьей 14.

3.10 В ходе предварительного следствия заявитель был вынужден признаться под давлением и в отсутствие своего адвоката в своей предполагаемой приверженности салафитской джихадистской идеологии и в своем намерении сражаться с американскими войсками в Афганистане. Он безуспешно оспаривал доказательную силу признательных показаний, подписанных с помощью пыток, на каждом этапе проводившегося по его делу судебного процесса. Тем не менее они использовались на протяжении всего процесса дознания и судебного разбирательства в нарушение статьи 15 Конвенции.

3.11 Наконец, заявитель и его родственники подвергались жестокому и бесчеловечному обращению по смыслу статьи 16 Конвенции в течение всего периода его содержания под стражей без связи с внешним миром в тюрьмах Тулала и Сале, с 17 по 28 мая 2011 года. Родственники заявителя ждали две недели, прежде чем получить информацию о его судьбе, поскольку власти намеренно не сообщали им о переводе заявителя в тюрьму Тулала, несмотря на все их просьбы и усилия. Следует напомнить о том, что родственники получили информацию о его судьбе от консульских властей Германии, которым удалось разыскать заявителя.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих замечаниях от 24 ноября 2020 года государство-участник сначала дает разъяснения по двум уголовным делам, по которым заявитель был привлечен к ответственности и осужден в Марокко.

4.2 Государство-участник уточняет, что заявитель был допрошен в помещениях судебной полиции в строгом соответствии с действующими правовыми нормами и под эффективным надзором прокурора. В день задержания заявителя в аэропорту Касабланки он был взят под стражу полицией на срок в девяносто шесть часов, который дважды продлевался с санкции прокурора и в соответствии со статьей 66 Уголовно-процессуального кодекса. Вопреки тому, что утверждает заявитель, он никогда не содержался под стражей без связи с внешним миром. Он был подробно проинформирован о предъявленных ему обвинениях. Его родственники были проинформированы о его заключении под стражу в полиции в лице его матери, с которой удалось связаться по мобильному телефону. Все эти процессуальные аспекты были зафиксированы в протоколе допроса в судебной полиции, который не был обжалован заявителем или его защитой в связи с его содержанием под стражей, как это разрешено законом. Вопреки тому, что утверждает заявитель, он смог ознакомиться со своим протоколом допроса и добровольно подписал его. Кроме того,

¹² CAT/C/MAR/CO/4, п. 8.

почерк и сама подпись ясно свидетельствуют об отсутствии какого-либо принуждения.

4.3 В отношении утверждений о том, что заявителя заставили подписать протокол под угрозой со стороны полиции, государство-участник заявляет, что его родители никогда не делали в этой связи никаких заявлений или утверждений, не заявляли о том, что они подвергались давлению или угрозам со стороны марокканских властей, и не подавали никаких жалоб по этому поводу.

4.4 По окончании срока содержания под стражей в полиции заявитель был доставлен 1 марта 2010 года к прокурору, после чего в тот же день он был доставлен к следственному судье, где в присутствии его адвоката состоялся предварительный допрос¹³. 17 марта 2010 года следственным судьей был проведен подробный допрос, в ходе которого постоянно присутствовал адвокат заявителя¹⁴. В ходе этого допроса заявитель отказался от показаний, которые он дал судебной полиции в связи с предъявленными обвинениями.

4.5 После завершения следственных действий, 24 мая 2010 года судья, рассматривавший это дело, передал его на рассмотрение апелляционного суда Рабата. Таким образом, по делу заявителя было проведено судебное разбирательство, в ходе которого были соблюдены права защиты и все гарантии справедливого судебного разбирательства. Заявитель смог обжаловать приговоры в первой и второй инстанциях, и 9 января 2012 года апелляционный суд Рабата смягчил его приговор, сократив срок его заключения с десяти до пяти лет¹⁵. Это решение было вновь обжаловано заявителем в кассационном порядке, однако 30 мая 2012 года эта апелляция была отклонена.

4.6 Что касается второго дела, то государство-участник уточняет, что во время содержания под стражей в тюрьме Сале заявитель всегда отличался особо агрессивным поведением по отношению к персоналу тюрьмы и организовал несколько акций протеста¹⁶, вплоть до того, что 16 мая 2011 года он спровоцировал впечатляющий мятеж, который поставил под угрозу физическую неприкосновенность нескольких сотен человек, включая самих заключенных. Вместе с десятком заключенных он взобрался на крышу тюрьмы, взяв в заложники сотрудников тюрьмы, которых он угрожал убить. В ходе этих событий около 200 сотрудников получили серьезные ранения, и был нанесен огромный материальный ущерб, включая выбитые двери и окна камер, а также разрушение электросети и линий подачи питьевой воды. В результате срыва государственного флага также были повреждены государственные символы. На следующий день из-за серьезного ухудшения состояния тюрьмы в Сале соответствующие заключенные были переведены в другие тюрьмы в ожидании восстановления помещений. Таким образом, 17 мая 2011 года заявитель был переведен в местную тюрьму в Тулале.

4.7 Заявитель был помещен в карцер на основании дисциплинарного взыскания, наложенного на него за участие в этих событиях. В тюрьме Тулала он находился всего четыре дня. 21 мая 2011 года он был переведен в тюрьму Сале 2 с целью облегчить его доставку в апелляционный суд Рабата в связи с рассмотрением возбужденного против него нового дела. В этой связи государство-участник категорически отвергает утверждения о «ситуации содержания под стражей без связи с внешним миром, равносильной насильственному исчезновению», которая якобы длилась 15 дней.

4.8 1 июня 2011 года заявитель был допрошен судебной полицией, которая установила, что он был главным зачинщиком мятежа. 2 февраля 2012 года прокурор представил обвинительное заключение, и после предварительного допроса 8 февраля

¹³ Копия этого предварительного допроса приложена к материалам дела.

¹⁴ Копия этого подробного допроса приложена к материалам дела.

¹⁵ Заявитель был осужден за создание преступной группы с целью подготовки и совершения террористических актов в рамках коллективных действий, направленных на серьезное нарушение общественного порядка, а также за управление денежными средствами с намерением их использования для совершения террористических актов.

¹⁶ С 25 по 27 февраля 2011 года, затем с 17 по 25 марта 2011 года.

2012 года и подробного допроса 23 февраля 2012 года, проведенных в присутствии адвоката, следственный судья принял решение о судебном преследовании заявителя¹⁷. 24 мая 2012 года он предстал перед апелляционным судом Рабата, который приговорил его к двум с половиной годам лишения свободы, сокращенным по апелляции 8 октября 2012 года до двух лет.

4.9 Государство-участник не скрывает своего удивления по поводу утверждений о том, что судебное разбирательство по делу о террористических актах было «ускоренным», поскольку оно проходило в период с 1 марта 2010 года по 30 мая 2012 года. 12 июля 2012 года заявитель был переведен в тюрьму Тифле 1 после его просьбы о том, чтобы находиться ближе к своим родственникам, а 15 июля 2016 года он был переведен в тюрьму Тифле 2, которая примыкает к тюрьме Тифле 1. Он отбывал наказание в обоих этих учреждениях в соответствии с законом и при этом пользовался всеми правами, полагающимися заключенному. 18 февраля 2017 года он был освобожден после отбытия сроков этих двух приговоров и 22 февраля 2017 года выехал из Марокко в Германию.

4.10 Государство-участник оспаривает приемлемость жалобы в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты, поскольку заявитель, вопреки тому, что он утверждает, никогда не представлял — ни он сам, ни его защита — никаких утверждений о пытках или жестоком обращении в контексте судебного разбирательства, связанного с его террористической деятельностью, ни перед следственным судьей, ни, более того, в апелляционном суде Рабата. Он также не подавал никаких жалоб в компетентные судебные органы или национальные учреждения. Защита заявителя представила утверждения о пытках и жестоком обращении только в рамках дела, касающегося мятежа, который он спровоцировал.

4.11 Государство-участник заявляет, что, несмотря на то, что рассмотрение жалоб заявителя было прекращено, средства правовой защиты остаются открытыми и доступными для заявителя для отстаивания его прав, учитывая то, что само прекращение рассмотрения жалоб не является окончательным, если заинтересованное лицо представит новые или относящиеся к делу доказательства, позволяющие органам правосудия дать оценку тому, что, по его утверждениям, ему пришлось испытать.

4.12 Что касается условий содержания под стражей заявителя, то государство-участник заявляет, что он всегда содержался под стражей в абсолютно приемлемых условиях, отвечающих международным стандартам в этой области. После жалоб родственников заявителя о предполагаемом жестоком обращении с заявителем после спровоцированного им мятежа, в августе 2011 года Главное управление по вопросам тюремной администрации и реинтеграции направило его на клиническое обследование, которое было проведено компетентным врачом, установившим, что на теле заявителя отсутствовали какие-либо следы применения насилия или пыток. Он всегда находился под надлежащим медицинским наблюдением.

4.13 В период содержания под стражей в тюрьме Сале 2 заявителя регулярно навещали его родственники и адвокаты¹⁸. Как гражданину Германии, ему было разрешено несколько раз встретиться с сотрудниками консульства Германии, аккредитованными в Рабате. За его ситуацией также пристально наблюдал Национальный совет по правам человека. В частности, с заявителем дважды, 26 марта 2015 года и 25 июля 2016 года, встречались представители региональной комиссии Рабата-Сале-Кенитры, и еще одно свидание с ним имело место в рамках общего посещения тюрьмы. Делегация региональной комиссии смогла побеседовать с ним и узнать об условиях его содержания под стражей. Она также представила директору

¹⁷ Основаниями для судебного преследования являлись: незаконное лишение свободы, разрушение общественных зданий и имущества, разрушение и повреждение предметов, предназначенных для общественного пользования, мятеж и участие в мятеже с нападением и нанесением побоев.

¹⁸ Государство-участник указывает, что заявителю помогали четыре адвоката, которые посещали его, в частности, 31 мая, 9 и 24 июня, 6, 14 и 28 июля, 2 и 19 августа, 23 и 30 сентября, 2 и 11 ноября и 23 декабря 2011 года, а также 10, 14 и 22 февраля, 5 апреля, 9, 16 и 25 мая, 5, 19, 26 и 27 июня и 5, 9 и 12 июля 2012 года.

тюрьмы рекомендации относительно продолжительности доступа заявителя, в частности, к стационарному телефону и его корреспонденции, что являлось предметом жалоб его отца.

4.14 В местной тюрьме Тифле 2 — современном учреждении, открытом в 2016 году и отвечающем удовлетворительным стандартам содержания под стражей, — заявитель пользовался всеми своими правами. Он содержался там в одиночной камере, отвечающей всем нормам, касающимся вентиляции, освещенности, гигиены и площади. Это же касается условий его содержания под стражей до его перевода в тюрьму Тифле 2. Там он получал свою корреспонденцию, а также газеты и журналы на арабском и немецком языках. Кроме того, он имел доступ в соседнюю камеру, которая была незанята, для приготовления пищи. За все время своего заключения он имел 44 внутренние консультации по поводу обычных заболеваний с симптоматическим лечением, осматривался тюремным врачом всякий раз, когда он просил об этом, и проходил лечение, когда этого требовало состояние его здоровья. Что касается утверждения заявителя о том, что он был эвакуирован в больницу, то государство-участник вновь заявляет, что оно является полностью необоснованным.

4.15 Что касается существа его жалобы в отношении утверждений о применении пыток во время содержания под стражей в полиции, то государство-участник повторяет, что заявитель никогда не поднимал эти вопросы и не подавал никаких ходатайств о проведении медицинского осмотра, как это предусмотрено статьей 134 Уголовно-процессуального кодекса.

4.16 В связи со вторым делом, касающимся мятежа, государство-участник поясняет, что на основании появившейся в прессе информации относительно утверждений о принуждении заявителя к даче признательных показаний и применении к нему в тюрьме пыток, а также корреспонденции, направленной по этому вопросу Министерством юстиции 25 июля и 7 сентября 2011 года главному прокурору при апелляционном суде Рабата, 16 августа 2011 года было начато расследование. В этой связи 20 сентября 2011 года главная прокуратура допросила начальника службы безопасности тюрьмы, который заявил, что заявитель ни разу не подвергался жестокому обращению и, более того, никогда не подавал жалоб и не делал никаких заявлений по поводу жестокого обращения ни в административном, ни в судебном порядке. Начальник указанной службы, который лично контролировал перевод заявителя, также заявил, что во время его перевода из тюрьмы Тулал 2 в тюрьму Сале 2 он не заметил на теле заявителя никаких следов насилия. По результатам проведенного расследования 22 сентября 2011 года было принято решение о прекращении производства по этому делу за отсутствием доказательств. 5 марта 2013 года прокурор также получил жалобу от Национального совета по правам человека через Министерство юстиции в отношении тех же утверждений о пытках, рассмотрение которой также было прекращено за отсутствием доказательств.

4.17 Наконец, государство-участник уточняет, что заявитель начал представлять утверждения о пытках и жестоком обращении только после спровоцированного им мятежа, делая это в то время, когда в отношении первого решения, касающегося его причастности к террористической деятельности, осуществлялась кассационная процедура. Таким образом, утверждения о пытках и жестоком обращении стали для него средством защиты, позволяющим добиться оправдания по всем выдвинутым против него обвинениям, включая те, которые касались событий, спровоцированных им в тюрьме.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях от 15 апреля 2021 года заявитель вновь упоминает о перенесенных им пытках. Далее он утверждает, что, вопреки утверждениям государства-участника, он никогда не содержался в одиночной камере, отвечающей всем нормам в отношении вентиляции и гигиены, а находился в полной изоляции, будучи лишенным дневного света и свежего воздуха, в течение всего срока его содержания под стражей в тюрьме Тифлета. Именно поэтому, как он уже описывал,

в конце мая 2016 года он вновь заявил о произвольном характере своего содержания под стражей, в результате чего снова подвергся жестокому обращению.

5.2 По существу дела заявитель утверждает, что Закон № 03-03 о борьбе с терроризмом предусматривает доступ к адвокату только через шесть дней и максимум на 30 минут, без какой-либо гарантии конфиденциальности. Однако в нарушение этого закона ни один адвокат не был допущен к нему в течение всего 12-дневного периода его содержания под стражей в полиции, что не оспаривается государством-участником. Кроме того, Рабочая группа по произвольным задержаниям в ходе своего визита в Марокко в декабре 2013 года установила, что многие дела, переданные на рассмотрение судов, особенно дела о терроризме, полностью основаны на признательных показаниях обвиняемых при отсутствии реальных доказательств¹⁹. Хотя Комитет рекомендовал государству-участнику принять все необходимые меры для обеспечения того, чтобы обвинительные приговоры по уголовным делам выносились на основании доказательств, отличных от признательных показаний обвиняемых, в частности, когда обвиняемые отказываются от своих признательных показаний в ходе судебного разбирательства²⁰, в судебной практике признательные показания по-прежнему являются достаточным доказательством для осуждения обвиняемых.

5.3 В ответ на утверждения государства-участника об отсутствии жалобы на пытки заявитель повторяет, что на первом допросе у следственного судьи он заявил, что подвергался пыткам в полицейском участке эль-Маарифа. Что касается пыток, применявшихся в тюрьме Сале, то о них было заявлено в официальных письмах консульских властей Германии, поскольку заявитель решил хранить молчание, будучи уверенным, что прокуратура в любом случае не выполнила бы свое обязательство и, как обычно, не начала бы быстрое и беспристрастное расследование.

5.4 Кроме того, заявитель утверждает, что его отец еще 8 июня 2012 года направил в Министерство юстиции первое письмо, в котором сообщил, что его сын подвергался пыткам в тюрьмах Сале 2 и Тулала, и подробно описал полученные телесные повреждения. В повторном письме, направленном в Министерство юстиции 26 мая 2014 года, отец заявителя подробно описал пытки, которым подвергался его сын, назвал виновных и потребовал проведения медицинской экспертизы и независимого расследования. За этим письмом так и не последовало никаких действий, поскольку, если бы такое расследование действительно было проведено, как утверждает государство-участник, заявитель был бы заслушан по этому вопросу и, очевидно, была бы проведена медицинская экспертиза для выявления следов или последствий предполагаемых актов пыток, чего не произошло.

5.5 19 мая 2021 года заявитель представил прессе статью о своем деле²¹.

Дополнительные замечания сторон

Государство-участник:

6.1 15 июля 2021 года государство-участник осудило упорство заявителя в стремлении снять с себя вину за совершение действий, за которые он был задержан, привлечен к ответственности и осужден в Марокко. Оно также выразило удивление по поводу аргументов заявителя, оправдывающих отсутствие жалобы в связи с его утверждениями о пытках, которым он якобы подвергался в тюрьме Тифле, в то время как с 2011 года на основании нескольких жалоб и писем его родителей прокуратура начала расследования, которые впоследствии были прекращены за отсутствием доказательств.

¹⁹ См. A/HRC/27/48/Add.5.

²⁰ CAT/C/MAR/CO/4, п. 17.

²¹ Ali Lmrabet, «Mohamed Hajib: enquête sur l'ennemi public numéro 1 des services secrets marocains», Middle East Eye, 4 mai 2021.

6.2 Государство-участник заявляет, что после получения 30 мая 2012 года²² жалобы от родителей заявителя (а не 8 июня 2012 года²³, как сообщил его адвокат) о том, что заявитель якобы подвергался пыткам в тюрьме Сале 2, главный прокурор при апелляционном суде Рабата сначала попросил начальника тюрьмы подготовить отчет по этому вопросу. 25 июля 2012 года начальник направил свой отчет прокурору, в котором он опроверг утверждения о пытках или жестоком обращении, особо отметив враждебное и агрессивное поведение заявителя по отношению к сотрудникам тюрьмы. Затем, 3 августа 2012 года, прокуратура поручила судебной полиции Тифле допросить заявителя²⁴. Таким образом, 15 августа 2012 года заявитель был допрошен, вопреки тому, что он утверждает. Во время допроса он заявил, что в течение 2011 года он подвергался пыткам в тюрьме Сале 2.

6.3 Государство-участник сообщает, что по указанию главной прокуратуры, несмотря на тот факт, что заявитель больше не проживает в Марокко, несколько сотрудников тюрьмы Сале 2, упомянутых в жалобе его родителей, были допрошены судебной полицией в Сале. Все они опровергли утверждения заявителя, в частности утверждения о том, что на него надевали наручники. В отношении утверждений, касающихся помещения заявителя в одиночную камеру, они также уточнили, что с учетом его поведения в тюрьме заявитель был помещен, как это разрешено законом, в одиночную камеру для предотвращения его влияния на других заключенных и любых дальнейших попыток спровоцировать мятеж. Поэтому главная прокуратура прекратить рассмотрение этой жалобы, как и в случае других жалоб, поскольку результаты проведенного расследования не подтвердили обоснованность утверждений заявителя. Его отец был проинформирован о прекращении рассмотрения этой жалобы.

6.4 Что касается письма отца заявителя от 26 мая 2014 года, в котором содержалась просьба о проведении медицинского осмотра его сына, то государство-участник уточняет, что прокуратура не получала никаких просьб на этот счет, учитывая, что заявитель также отказался явиться на прием к врачу в рамках амбулаторной консультации.

6.5 В отношении утверждений о пытках, якобы имевших место в мае 2016 года, государство-участник отмечает, что по указанию главного прокурора при апелляционном суде Рабата служба судебной полиции управления полиции Рабата-Сале-Темары-Хемиссета допросила бывшего директора местной тюрьмы Тифле 1, координатора Главного управления по вопросам тюремной администрации и реинтеграции в тюрьме Тифле 1 и других сотрудников, которые работали в этой тюрьме в одно и то же время. Эти допросы позволили убедиться в том, что, вопреки утверждениям заявителя, конструкция кровати в его камере не позволяла приковать его к ней наружниками или даже удерживать его с помощью веревки. Аналогичным образом, государство-участник не может не задаться вопросом о том, каким образом заключенный с завязанными глазами, согласно его собственным утверждениям, мог установить наличие или отсутствие того или иного конкретного лица.

6.6 В ходе допросов также выяснилось, что на самом деле заявитель надевал оранжевый комбинезон в знак протеста, в частности, против решения Главного управления по вопросам тюремной администрации и реинтеграции больше не резервировать комнату для свиданий исключительно для семей заключенных, осужденных в соответствии с Законом о борьбе с терроризмом, в рамках работы с этой категорией заключенных. Что касается утверждений заявителя, преследующих цель отрицания того факта, что он был зачинщиком мятежа в тюрьме Сале в 2011 году, то теперь они публично опровергнуты самим заявителем в его многочисленных откровенных заявлениях на его канале в YouTube, где он хвастается тем, что он был главным организатором упомянутого мятежа, который он даже называет «эпопесей».

²² Письмо от 30 мая 2012 года, адресованное отцом заявителя главному прокурору при апелляционном суде Рабата, приложено к материалам дела.

²³ Письмо отца заявителя от 8 июня 2012 года в Министерство юстиции приложено к материалам дела.

²⁴ Копия указанного распоряжения приложена к материалам дела.

6.7 Государство-участник информирует Комитет о том, что два сокамерника заявителя разместили в Интернете видеозаписи, подтверждающие, что он был боевиком «Аль-Каиды». В связи с характером утверждений заявителя — и несмотря на то, что он не находился на территории страны, — главный прокурор распорядился провести расследование, которое все еще продолжается.

6.8 24 августа 2021 года государство-участник проинформировало Комитет о публикации в социальных сетях видеоролика, в котором заявитель открыто и публично пропагандирует терроризм и подстрекает к ненависти и насилию против Марокко и его институтов.

Заявитель

7.1 6 сентября 2021 года заявитель отметил, что у него нет никаких контактов с двумя предполагаемыми сокамерниками. Что касается утверждения государства-участника о том, что прокуратура не получала запроса о проведении медицинского осмотра, то заявитель утверждает, что в своей жалобе, направленной в Министерство юстиции 26 мая 2014 года и зарегистрированной под номером 24505, его отец повторяет свою просьбу о проведении медицинского осмотра²⁵.

7.2 Заявитель сообщает, что в период между его задержанием и освобождением его отец предпринял множество шагов в его отношении. Сначала он обратился в центральный офис Марокканской ассоциации по правам человека, которая 25 февраля 2010 года направила в Министерство юстиции письмо с просьбой провести расследование обстоятельств задержания и условий содержания заявителя под стражей²⁶. 18 мая 2011 года отец заявителя обратился к генеральному секретарю Национального совета по правам человека с просьбой начать расследование с целью выяснения судьбы его сына после того, как его родственники потеряли с ним все контакты во время его содержания под стражей в тюрьме Сале. Наконец, его отец жаловался на пытки, которым заявитель подвергался в тюрьмах Сале и Тулала.

7.3 Заявитель утверждает, что, хотя государство-участник пытается отрицать утверждения о пытках, несколько заключений немецких врачей подтверждают последствия этих пыток для его здоровья. Например, в заключении, сделанном немецким неврологом и психиатром 25 июня 2018 года, говорится, что заявитель страдает неврологическими расстройствами и что с 2017 года он находится под регулярным наблюдением психиатра. В другом заключении, сделанном 23 октября 2018 года медицинским экспертом для немецкого агентства по труду, также говорится о нетрудоспособности заявителя в течение ближайших двух–трех лет, а также отмечается, что нельзя исключать и его постоянную нетрудоспособность²⁷. На сегодняшний день степень инвалидности заявителя в результате пыток, которым он подвергался во время содержания под стражей в Марокко, составляет 50 процентов, что подтверждается его карточкой инвалида.

7.4 12 октября 2021 года в ответ на видеоролик, представленный государством-участником, заявитель пояснил, что на основании аналогичных видеороликов государство-участник направило в прокуратуру Германии несколько запросов о возбуждении уголовного преследования на том основании, что он якобы призывал к террористическому насилию, которые были отклонены прокурором Дуйсбурга в связи с тем, что высказывания заявителя, размещенные в его аккаунте в Facebook, были лишь выражением политических взглядов. Наконец, 8 февраля 2021 года Комиссия по контролю за файлами Интерпола аннулировала международный ордер на задержание, выданный государством-участником, и пришла к выводу, что данные, касающиеся заявителя, не соответствуют правилам, применимым к обработке персональных данных в информационной системе Интерпола.

²⁵ Копия указанной жалобы приложена к материалам дела.

²⁶ Копия этого письма приложена к материалам дела.

²⁷ Копии обоих заключений приложены к материалам дела.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, представленной в сообщении, Комитет должен установить, является ли оно приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. Комитет отмечает, что дело заявителя было доведено до сведения Рабочей группы по произвольным задержаниям и Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания в 2012 году. Эти внедоговорные процедуры или механизмы не являются процедурами международного расследования или урегулирования по смыслу пункта 5 а) статьи 22 Конвенции, и поэтому рассмотрение дела заявителя в рамках этих процедур не делает сообщение неприемлемым на основании указанного положения²⁸.

8.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость жалобы в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты, указав на то, что ни заявитель, ни его адвокат не поднимали вопрос о предполагаемых актах пыток или жестокого обращения во время содержания под стражей в полиции ни перед прокурором, ни перед следственным судьей, ни в ходе разбирательства в суде. Заявитель ответил, что он сообщал об этих актах пыток на всех стадиях разбирательства.

8.3 Комитет отмечает, что, хотя заявителю не был предоставлен доступ к адвокату во время его содержания под стражей в полиции — что, впрочем, не оспаривается государством-участником — ему помогал адвокат во время его допросов следственным судьей 1 и 17 марта 2010 года. Заявитель утверждает, что он заявил следственному судье — а также в ходе судебного разбирательства — о том, что его признания были получены с помощью пыток. Однако Комитет отмечает, что, хотя протоколы предварительного и подробного допросов заявителя следственным судьей свидетельствуют о том, что заявитель отказался от своих заявлений, сделанных в полиции, в них не упоминается о каких-либо утверждениях о получении признательных показаний с помощью пыток. Комитет также отмечает, что заявитель не оспорил и не прокомментировал эти два протокола допросов, представленных государством-участником.

8.4 Кроме того, Комитет отмечает, что заявитель не представил никаких копий любых возможных жалоб или постановлений, вынесенных национальными судами, с тем чтобы продемонстрировать, что он действительно поднимал на всех стадиях разбирательства вопрос о принуждении его к даче признательных показаний с помощью пыток, как он утверждает. Он также не поднимал вопрос о невозможности получения копии. Наконец, Комитет отмечает, что, хотя заявитель утверждает, что в письме от 25 марта 2014 года, адресованном Главному управлению по вопросам тюремной администрации и реинтеграции, его родители упоминали о признательных показаниях, подписанных под пытками, заявитель не представил копию этого письма, хотя он представил копии других запросов, сделанных его родителями от его имени. Кроме того, Комитет отмечает, что в контексте второго дела, касающегося заявителя, а именно мятежа, который имел место 16 мая 2011 года, заявитель действительно представил Комитету копии жалоб, поданных его отцом, на которых стоял штамп о подтверждении их получения секретариатом Министерства юстиции. Кроме того, 16 августа 2011 года было начато расследование утверждений о принуждении к даче признательных показаний и пытках после мятежа. Комитет не получил никаких объяснений того, почему — если предположить, что адвокат заявителя и его родственники поднимали на разных стадиях разбирательства вопрос о пытках, которым он подвергался во время содержания под стражей в полиции, — заявитель не

²⁸ *Бендиб против Алжира* (CAT/C/51/D/376/2009), п. 5.1; и *Нийонзима против Бурунди* (CAT/C/53/D/514/2012), п. 7.1.

смог это доказать, как он сделал это в случае с жалобами на пытки, которым он подвергнулся после мятежа. Кроме того, в этих жалобах ничего не говорится о пытках, которым он подвергнулся во время содержания под стражей в полиции. Таким образом, с учетом положений пункта 5 b) статьи 22 Конвенции Комитет приходит к выводу о том, что заявитель не смог продемонстрировать, что он исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении своей жалобы на пытки, которым он подвергнулся во время содержания под стражей в полиции, и на получение признательных показаний с помощью пыток, по смыслу статьи 12, рассматриваемой вместе со статьей 1 Конвенции, и в отношении использования в судебном процессе признательных показаний, полученных под пытками, по смыслу статьи 15²⁹. Поэтому данные жалобы являются неприемлемыми.

8.5 Комитет принимает к сведению заявление заявителя о том, что он не сообщил о пытках, которым подвергнулся в мае 2016 года в тюрьме Тифле, опасаясь репрессий в период, когда приближалось его освобождение. Вместе с тем Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что по распоряжению прокурора полиция допросила бывшего директора местной тюрьмы Тифле 1, координатора Главного управления по вопросам тюремной администрации и реинтеграции в тюрьме Тифле 1 и других сотрудников, которые работали в этой тюрьме в одно и то же время. Однако государство-участник не уточняет, какие меры были приняты по итогам этого расследования, и не указывает, провели ли следственные органы допрос заявителя и назначили ли они медицинскую экспертизу или приняли во внимание медицинские экспертизы, проведенные в отношении заявителя в Германии. В отсутствие соответствующей информации от государства-участника, которая могла бы продемонстрировать, что заявитель мог бы получить пользу от эффективного расследования, Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник не продемонстрировало, что существующие средства правовой защиты для осуждения актов пыток, которым он подвергнулся в мае 2016 года, были предоставлены заявителю на практике для отстаивания своих прав в соответствии с Конвенцией.

8.6 Комитет принимает к сведению утверждения заявителя по пункту 2 статьи 2 Конвенции, согласно которым акты пыток, которым он подвергнулся, стали возможными вследствие отсутствия в Законе № 03-03 о борьбе с терроризмом основных гарантий и что это также способствовало их совершению. Вместе с тем он отмечает, что заявитель не представил по этому вопросу никаких доказательств, а вместо этого сформулировал свои утверждения на основе заявлений общего характера. Поэтому Комитет приходит к выводу о том, что жалоба заявителя по пункту 2 статьи 2 Конвенции является неприемлемой из-за отсутствия достаточного обоснования в соответствии со статьей 22 Конвенции и правилом 113 b) его правил процедуры.

8.7 Наконец, Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 4 Конвенции и что он был помещен в одиночную камеру в нарушение статьи 16. Однако Комитет отмечает, что автор не обосновал эти утверждения для целей приемлемости³⁰.

8.8 В свете пункта 4 статьи 22 Конвенции и правила 111 своих правил процедуры Комитет не усматривает других препятствий для приемлемости жалобы и приступает к рассмотрению ее по существу с учетом положений пункта 1 статьи 2 и статей 11–14, рассматриваемых вместе со статьей 1 Конвенции, в отношении заявителя, а также статьи 16 Конвенции в отношении его семьи.

Рассмотрение по существу

9.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами.

9.2 Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что физическое насилие, которому он подвергнулся в тюрьмах Сале и Тулала после мятежа, имевшего

²⁹ *А.Л. против Марокко (CAT/C/72/D/805/2017)*, пп. 6.2 и 6.3.

³⁰ *Кирсанов против Российской Федерации (CAT/C/52/D/478/2011)*, п. 10.5.

место 16 мая 2011 года, а затем в тюрьме Тифле в мае 2016 года, было равносильно актам пыток по смыслу статьи 1 Конвенции: в мае 2011 года его, в частности, избивали охранники, которые наносили удары по различным частям тела, что привело к перфорации правой барабанной перепонки и перелому носа, а также его долго удерживали в болезненных позах и угрожали изнасилованием; а в мае 2016 года его, в частности, пытали раскаленным железным прутом, который прикладывали к спине, при этом удерживая на кровати в камере со связанными руками и ногами и с завязанными глазами. Что касается пыток, которым он подвергался в мае 2011 года, то адвокат и представитель консульства Германии смогли констатировать наличие шрамов на его руках и ногах. В ответ на это государство-участник заявляет, что клиническое обследование, проведенное в августе 2011 года, показало, что на теле заявителя не было никаких признаков насилия или пыток. Однако государство-участник не представило копию заключения, сделанного по итогам этого клинического обследования, а также не упомянуло о заключении эксперта о том, что шрамы заявителя могут свидетельствовать об актах пыток. Кроме того, Комитет отмечает, что 26 мая 2014 года отец заявителя просил Министерство юстиции провести независимую медицинскую экспертизу левого уха заявителя, которое причиняло ему сильную боль, но не добился результата. Что касается пыток, перенесенных в мае 2016 года, Комитет принимает к сведению фотографии шрамов заявителя и медицинские заключения, выданные немецкими властями. В отсутствие убедительной информации со стороны государства-участника, ставящей под сомнение эти утверждения, Комитет считает, что физическое насилие, которому, как утверждает заявитель, он подвергался во время содержания под стражей в тюрьмах Сале и Тулала в мае 2011 года и в тюрьме Тифле в мае 2016 года, и полученные им телесные повреждения представляют собой пытки по смыслу статьи 1 Конвенции³¹.

9.3 Что касается жалобы на нарушение пункта 1 статьи 2 Конвенции, то Комитет напоминает, что он выразил обеспокоенность в связи с утверждениями, в частности, о пытках, жестоком обращении и принуждении к даче признательных показаний с помощью пыток в государстве-участнике и настоятельно призвал его немедленно принять конкретные меры для расследования актов пыток, судебного преследования и наказания виновных, а также принять все необходимые меры для обеспечения того, чтобы обвинительные приговоры по уголовным делам выносились на основании доказательств, отличных от признаний обвиняемого, особенно когда обвиняемый отказывается от своих признаний в ходе судебного разбирательства³². В данном деле заявитель был осужден за террористические акты исключительно на основании его признательных показаний. С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что был нарушен пункт 1 статьи 2, рассматриваемый вместе со статьей 1 Конвенции³³.

9.4 Комитет также принимает к сведению аргумент заявителя, представленный в соответствии со статьей 11 Конвенции, согласно которому во время содержания под стражей в полиции он: а) не имел доступа к адвокату; б) не получал медицинскую помощь; в) был задержан без предъявления обвинений; и д) его семья не была проинформирована о его задержании. Кроме того, заявитель подвергался пыткам, жестокому обращению и издевательствам со стороны тюремной администрации в мае 2011 года и в мае 2016 года, и ему не были предоставлены эффективные средства правовой защиты для оспаривания пыток и жестокого обращения. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко, в которых он выразил сожаление в связи с отсутствием информации о соблюдении на практике основных гарантий, например гарантий, касающихся осмотра независимым врачом и уведомления семьи³⁴. В данном деле государство-участник представило информацию об условиях содержания заявителя под стражей, информацию его матери о его задержании, информацию о предъявленных ему

³¹ *Асфари против Марокко* (CAT/C/59/D/606/2014), п. 13.2.

³² CAT/C/MAR/CO/4, пп. 10 и 17. См. также CCRP/C/MAR/CO/6, пп. 23 и 24.

³³ *Ндарисигаранье против Бурунди* (CAT/C/62/D/493/2012 и CAT/C/62/D/493/2012/Corr.1), п. 8.3; и *Е.Н. против Бурунди* (CAT/C/56/D/578/2013), п. 7.5.

³⁴ CAT/C/MAR/CO/4, п. 7.

обвинениях, о его медицинском наблюдении и о его жалобах на жестокое обращение во время содержания под стражей только за период после мятежа 16 мая 2011 года, хотя он находился под стражей с 18 февраля 2010 года. В отсутствие убедительной информации со стороны государства-участника, которая могла бы подтвердить, что содержание заявителя под стражей в течение всего периода — и особенно в период его содержания под стражей в полиции — действительно происходило под надзором государства-участника, и в отсутствие каких-либо доказательств эффективного рассмотрения жалоб заявителя на пытки, которым он подвергался после мятежа 16 мая 2011 года, Комитет приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции³⁵.

9.5 Затем Комитет должен определить, провело ли государство-участник беспристрастное расследование фактов применения пыток в мае 2011 года и в мае 2016 года, как того требует статья 12 Конвенции. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что: а) его отец 30 мая 2012 года недвусмысленно заявил прокурору и 8 июня 2012 года Министерству юстиции о пытках, которым подвергался заявитель в мае 2011 года, а 26 мая 2014 года обратился в Министерство юстиции с просьбой провести медицинское обследование; б) следы пыток, имевших место в мае 2011 года, были подтверждены адвокатом и сотрудником консульства Германии, которые побывали у заявителя; в) несколько фотографий и заключений, представленных немецкими врачами в 2018 году, свидетельствуют о пытках, перенесенных в мае 2016 года, и о воздействии этих пыток на здоровье заявителя; и d) он ни разу не был допрошен и не было назначено никаких медицинских экспертиз. В отношении пыток, перенесенных в мае 2011 года, государство-участник отмечает, что прокурор сначала попросил начальника тюрьмы подготовить отчет, который был представлен 25 июля 2012 года, что 3 августа 2012 года прокурор потребовал, чтобы сотрудники судебной полиции Тифле допросили заявителя, и что 15 августа 2012 года заявитель действительно был допрошен, вопреки тому, что он утверждает. Что касается пыток, перенесенных в мае 2016 года, то государство-участник ссылается на начало расследования *ex officio* и проведение допроса нескольких сотрудников тюрьмы. Комитет отмечает, что заявитель не оспаривает эти утверждения государства-участника, особенно тот факт, что он действительно был допрошен 15 августа 2012 года.

9.6 Комитет отмечает, что: а) три расследования, начатые по заявлениям о пытках в мае 2011 года, были прекращены за отсутствием доказательств; б) заявитель был допрошен только в рамках одного из них; и в) ни в одном из этих расследований не была назначена медицинская экспертиза, несмотря на прямую просьбу отца заявителя от 26 мая 2014 года и несмотря на видимые следы пыток, имевшиеся на теле заявителя, которые были замечены его адвокатом и представителем консульства Германии. Что касается расследования, начатого *ex officio* по утверждениям о пытках, перенесенных в мае 2016 года, Комитет также отмечает, что заявитель не был заслушан и не прошел медицинское обследование, несмотря на наличие на его теле следов, которые, к тому же, подтверждены фотографиями и медицинскими осмотрами, проведенными в Германии после его освобождения. Кроме того, государство-участник не проинформировало Комитет о результатах этого расследования. В свете вышеизложенного Комитет считает, что проведение расследований по утверждениям заявителя о пытках, которым подвергался заявитель в мае 2011 года и в мае 2016 года, несовместимо с обязательством государства-участника по статье 12 Конвенции обеспечивать проведение компетентными органами быстрого и беспристрастного расследования во всех случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что был совершен акт пытки³⁶.

9.7 С учетом вышеизложенного Комитет не считает необходимым рассматривать жалобы заявителя по статье 13 Конвенции по отдельности³⁷.

³⁵ *Е.Н. против Бурунди*, п. 7.6.

³⁶ *Асфари против Марокко*, п. 13.4.

³⁷ *Аррас против Марокко (CAT/C/68/D/817/2017)*, п. 8.7.

9.8 Что касается статьи 14 Конвенции, то Комитет отмечает, что заявитель утверждает, что он страдает от физических и психических последствий жестокого обращения, которому он подвергался. Тот факт, что прокурор не распорядился о проведении медицинского осмотра, лишил заявителя возможности воспользоваться мерами по реабилитации, компенсации, медицинскому уходу и обеспечению гарантий неповторения преступления. Поэтому Комитет считает, что отсутствие оперативного и беспристрастного расследования лишило заявителя возможности воспользоваться своим правом на возмещение в нарушение статьи 14 Конвенции³⁸.

9.9 Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что его семья не была проинформирована о его переводе 17 мая 2011 года в тюрьму Тулала и что она получила информацию о его судьбе только 28 мая 2011 года, причем от консульских властей Германии, а не от марокканских властей. 18 мая 2011 года отец заявителя проинформировал Национальный совет по правам человека о потере связи со своим сыном с 17 мая 2011 года и обратился к нему с просьбой собрать информацию о его судьбе, однако не получил никакого ответа. Наконец, Комитет отмечает, что государство-участник не оспорило эти утверждения. Поэтому Комитет считает, что отсутствие информации о судьбе заявителя в течение почти двух недель причинило страдания его семье и что власти проявили равнодушие к ее усилиям получить информацию о том, что случилось с заявителем после мятежа 16 мая 2011 года, и о его местонахождении. В отсутствие объяснений со стороны государства-участника Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 16 Конвенции в отношении семьи заявителя³⁹.

10. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 2 (п. 1), 11, 12 и 14, рассматриваемых вместе со статьей 1 Конвенции, в отношении заявителя, а также статьи 16 Конвенции в отношении его семьи.

11. Комитет настоятельно призывает государство-участник: а) провести беспристрастное и тщательное расследование рассматриваемых событий в полном соответствии с руководящими принципами Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол) с целью привлечения к судебной ответственности лиц, которые могут быть виновны в обращении, которому подвергался заявитель; б) предоставить заявителю и его семье надлежащее и справедливое возмещение, включая средства, необходимые для как можно более полной реабилитации; в) воздерживаться от любых актов оказания давления, запугивания или репрессий, которые могут нанести ущерб физической и моральной неприкосновенности заявителя, что в противном случае будет представлять собой нарушение обязательств государства-участника по Конвенции добросовестно сотрудничать с Комитетом в осуществлении положений Конвенции. Государство-участник также обязано не допускать аналогичных нарушений в будущем.

12. В соответствии с пунктом 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику проинформировать его в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения о мерах, принятых им в связи с приведенными выше замечаниями.

³⁸ *Нийонзима против Бурунди*, п. 8.6; и *Асфари против Марокко*, п. 13.6.

³⁹ *Эрнандес Кольменарес и Герреро Санчес против Боливарианской Республики Венесуэла (CAT/C/54/D/456/2011)*, п. 6.10.